

— Сяо Лю в прошлом месяце слег с простудой, отпросился на четыре дня, а когда закрывали ведомости, у этого щенка еще хватило наглости требовать компенсацию! Подумаешь, тридцать девять! Сбил температуру — и на работу! Нынешняя молодежь вообще трудностей не выносит. Обмелели люди. С таким отношением о повышении пусть даже не мечтает!

Управляющий Ван, в стельку пьяный, навалился всей тушей на Чжао Цзи, покачиваясь и едва удерживая равновесие.

Чжао Цзи тащил его на себе, понимая: образцовый подчиненный сейчас должен был заглядывать начальнику в рот и подобострастно поддакивать — мол, делов-то, подумаешь, жар, что за неженка пошёл! Но выдавить из себя подобную низость Чжао Цзи просто не мог. Душа протестовала. Поэтому он лишь молча волок босса к выходу, натужно угукая в тон его пьяным бредням.

Заметив свободную машину, Чжао Цзи поспешно замахал рукой. Такси прижалось к обочине. Свободной левой рукой он распахнул заднюю дверцу и кое-как втиснул управляющего на сиденье.

Перед тем как машина тронулась, Ван-Живодёр опустил стекло и попытался дотянуться короткой жирной рукой до плеча Чжао Цзи — видимо, хотел покровительственно похлопать. Но дотянуться сквозь проем не получалось. Чжао Цзи пришлось послушно согнуться в три погибели, подставляя плечо под тяжелую ладонь.

Управляющий удовлетворенно хмыкнул и вяло похлопал парня по плечу:

— Ну, я поехал!.. Скоро я освобожу это кресло. Наверху планировали продвинуть Ци Мина, но... последнее слово всё равно за мной. Так что давай, Сяо Чжао, покажи класс в эти месяцы. Я на тебя рассчитываю!

Чжао Цзи потер нос, провожая взглядом удаляющиеся габаритные огни. За годы работы он изучил повадки босса досконально. Пьяное «я на тебя рассчитываю» вовсе не было обещанием или намеком на взятку. Это было прямое, неприкрытое предупреждение: приготовься пахать сверхурочно, как проклятый.

«Иди ты в жопу со своими переработками!» — Чжао Цзи с чувством сплюнул на асфальт вслед уехавшей машине.

Когда-то давно, едва устроившись в фирму, он тоже слег с температурой и взял единственный отгул. На следующий же день тогдашний руководитель проекта (тот самый Ван, ставший теперь управляющим) примчался к нему и устроил форменный разнос. Орал, брызгая слюной, обзывал офисным планктоном, никчемным тунеядцем и балластом... Словесный понос лился бесконечным потоком, а Чжао Цзи всё это время балансировал на грани: врезать ублюдку по лоснящейся морде или стерпеть. Кулаки сжимались и разжимались, в ушах шумело от ярости.

Управляющий Ван был тварью редкой, тут без иллюзий. Но одного у него нельзя было отнять — фанатичной, почти безумной преданности делу. Фирму он считал родным домом. Даже когда у него обострялась подагра и боль становилась невыносимой, он жрал горстями анальгетики и все равно полз в офис. Босс души в нем не чаял.

После той взбучки Чжао Цзи долго думал: уйти красиво, хлопнув дверью, или прикусить язык. Но поскольку оскорбления уже были проглочены, а перспективы у компании казались заманчивыми, он засунул гордость поглубже и извинился. С тех пор впахивал за двоих, а о больничных забыл навсегда.

И надо же — как-то незаметно для самого себя он оказался в фаворе у Вана. А поскольку старый хрыч ходил у высшего руководства в любимчиках, Чжао Цзи тоже попал на радары боссов.

Теперь Вана переводили на юг, руководить филиалом.

Его кресло освобождалось. Судя по намекам, если Чжао Цзи эти пару месяцев проживет в офисе в режиме круглосуточной каторги, теплое место достанется именно ему.

Для обычного выпускника заштатного вуза без связей должность начальника отдела в двадцать семь лет — это предел мечтаний. Почти джекпот.

Взвесив все за и против, Чжао Цзи твердо решил: с этого дня он будет работать на износ. Он успокаивал себя мыслью, что пара месяцев недосыпа — ерунда, как-нибудь перебьется. С этими мыслями он вздохнул, почесал затылок и при свете луны побрел домой.

Он не заметил, как от легкого прикосновения пальцев с его затылка бесшумно осыпалось несколько прядей волос.

Спустя несколько месяцев, в тот самый день, когда весь отдел маркетинга с песнями и плясками выпроваживал Вана-Живодёра к новому месту службы, Чжао Цзи наконец-то занял его кабинет. Последний месяц он не снимал в офисе кепку, но теперь, оставшись один, запер дверь. В комнате было невыносимо душно.

Чжао Цзи не выдержал и стащил головной убор. На ткань снова налипло несколько волосков.

Преждевременно облысевший новоиспеченный начальник опустил в кожаное кресло и повернулся к панорамному окну.

Стекло отразило его лицо: глубокие тени под глазами, серая кожа, которую не спасал никакой тональный крем. Чжао Цзи с досадой провел ладонью по макушке. Кожа там была гладкой.

Волосы не выдержали ночных бдений — он облысел.

«Ну и ладно. Зато при должности. Оно того стоило. В крайнем случае накоплю на пересадку».

Он повертел головой, впервые за долгое время разглядывая себя критически. Не урод, нет. Но с этим изможденным, мертвецким видом даже правильные черты лица казались жалкими. Ему не было и тридцати, а выглядел он как живой труп: сутулый, с ввалившимися щеками и сияющей плешью размером с кулак. Кожа на черепе лоснилась под светом ламп, и никаких признаков новой поросли там не наблюдалось.

Чжао Цзи аж передернуло. От зомби из дешевого ужастика его отличало разве что отсутствие трупных пятен.

— Ладно, плевать. Главное — выдержал... А волосы... Стану меньше торчать на работе, сами отрасли...

Двадцатисемилетний старик пробормотал это себе под нос и потянулся к кружке с заваренным годжи. Сделал большой глоток.

Это были его последние слова в жизни.

Стоило ему поставить кружку, как в груди дико, скручивающе рвануло. Сердце сжалось в тиски безумной боли.

Это произошло так внезапно, что Чжао Цзи даже не успел закричать. Зажав левой рукой грудь, он потянулся к столу за телефоном, чтобы вызвать скорую. Но в этот момент в голове вспыхнула паническая мысль: «Моя лысина! Врачи увидят мою плешь!»

Собрав последние остатки воли, содрогаясь всем телом, он поднялся с кресла и, шатаясь как при паркинсонизме, заковылял к вешалке, где висела кепка.

Боль в сердце становилась невыносимой. Не хватало воздуха, горло жгло огнем. Пальцы разжались, мобильник с глухим стуком шмякнулся на паркет. Чжао Цзи попытался нагнуться, но перед глазами поплыли черные круги.

«Кепка!.. Только бы надеть кепку!.. Умереть, но с прикрытой головой! Сохранить достоинство!» — эта нелепая мысль заполнила угасающее сознание.

Он с трудом поднял руку.

До заветной кепки оставалась всего пара сантиметров, когда пальцы окончательно ослабли. Чжао Цзи рухнул на пол, теряя сознание.

Перед тем как мир окончательно погрузился во тьму, его душа беззвучно кричала:

«Моя кепка! Моя голова! Я не успел ее прикрыть!..»

Когда сознание вернулось, Чжао Цзи первым делом вскинул правую руку и шлепнул себя по макушке, пытаясь натянуть несуществующий головной убор.

Ладонь встретила пустоту, а затем со звонким стуком опустилась на густую, шелковистую шевелюру.

Больно!

Но ощущения... странные.

«Погодите... У меня что, отросли волосы?»

Чжао Цзи изумленно распахнул глаза. Вокруг стоял невообразимый гвалт, а обстановка не имела ничего общего с его кабинетом.

Исчезли кожаное кресло, компьютер, панорамное стекло и вид на мегаполис. Вместо них перед ним высились резные столбики кровати из темно-красного дерева, занавешенные синими шелковыми пологам. А чуть поодаль, на коленях, уткнувшись лбами в пол, замерла толпа незнакомых людей в старинных одеяниях.

Чжао Цзи опешил.

«Что за чертовщина?»

— Ваше Высочество! — к постели с рыданиями бросилась молодая женщина. Она упала на колени перед ложем, заламывая руки: — Вы так напугали свою Чуньлань!

Чжао Цзи благоразумно прикусил язык.

Он застыл соляным столпом.

Сейчас явно не стоило орать: «Вы кто такие? Тут кино снимают?» или «Это что, розыгрыш?»

Глотать слезы он не собирался, но и глупости делать не спешил. Еще мгновение назад его

сердце разрывалось от инфаркта. От такого не оправляются за секунду в компании актеров массовки.

К тому же волосы на голове были настоящими — густыми, длинными, уложенными в сложную прическу. Свои, не парик.

Вспомнив сюжеты книжек, которые он почитывал втайне на скучных парах в университете, Чжао Цзи пришел к единственному логичному выводу: он переселился в другое тело. Но куда именно его занесло? В какую-то выдуманную эпоху или реальную историю? Кто он теперь?

Для любого попаданца, если только он не переродился младенцем, чужое тело — это мина замедленного действия. Одно дело стать нищим сиротой, там взятки гладки. Но тут, судя по всему, у него приличное состояние и куча слуг. В древности за одно подозрение в одержимости или колдовстве уже могли запросто срубить голову. Малейшая ошибка — и пиши пропало.

Пока что единственной зацепкой было обращение «Ваше Высочество». Уже неплохо. По крайней мере, не нищета.

Нужно было как-то разузнать подробности у этой девицы, которая даже во время плача умудрялась картинно заламывать руки, подставляя под свет свой идеальный профиль.

Раз его называют «Высочеством», значит, власть у него имеется, и можно немного покапризничать. Чжао Цзи решил использовать проверенный временем шаблон:

— Я... ничего не помню.

Рыдающая Чуньлань мгновенно позабыла о красивой позе и испуганно уставилась на него:

— Ваше Высочество, неужто вы при падении в воду ушиблись головой? Вы и Чуньлань не узнаете?

— Ишь как быстро прибежала выслуживаться! — Дверь с шумом распахнулась.

В комнату вошла женщина. Лицо ее трудно было назвать красивым, да и одета она была на удивление просто — в серое платье без каких-либо украшений. В отличие от увешанной побрякушками Чуньлань, ее волосы скрепляли лишь две простые деревянные шпильки. Но стоило ей появиться, как слуги поспешно попятились, уступая дорогу, а Чуньлань торопливо отползла назад, склонив голову.

Женщина приблизилась к постели. Слегка поклонившись, она села у изголовья и уставилась на Чжао Цзи. Секунду назад на ее лице играла презрительная усмешка, но теперь оно превратилось в каменную маску, лишенную каких-либо эмоций.

— Как себя чувствует Ваше Высочество? — спросила она на удивление ровным, безжизненным голосом, словно зачитывала казенный указ.

Чжао Цзи лихорадочно соображал: «Кто она мне? Мать? Сестра? Жена?»

Но если она его близкая родственница, почему одета так скромно? У его «Высочества» дела плохи или это какая-то причуда?

— Ты кто? — хрипло спросил он.

Женщина нахмурилась, в ее глазах промелькнуло подозрение:

— Ваше Высочество?

Чуньлань поспешно вмешалась:

— Супруга цзюньвана, Его Высочество изволил сказать, что ничего не помнит!

«Супруга? — мысленно ахнул Чжао Цзи. — Значит, она моя жена? А я, выходит, благородный князь?»

Лицо хозяйки дома наконец-то изменилось. Она резко повернулась к замершим слугам:

— И вы до сих пор молчали?! Что за бестолочи! Живо зовите лекаря!

«Отлично, я князь», — зафиксировал в памяти Чжао Цзи.

Вокруг снова началась суета. Все куда-то бежали, суетились, и Чжао Цзи решил, что изображать полное недоумение перед толпой слуг — тактика проигрышная. Чтобы избежать лишних расспросов, он решил сделать самое простое — притвориться, что снова лишился чувств.

План был хорош, но Чжао Цзи слишком вошел в роль. Он картинно закатил глаза и с силой откинулся назад.

В суматохе он совершенно позабыл, что подушки в древнем Китае делали из твердой, как камень, керамики.

Раздался глухой, сочный стук. Затылок Чжао Цзи встретился с фарфоровым чудом ремесленного искусства.

Притворяться больше не пришлось. В глазах Чжао Цзи полыхнула сверхновая, и он вырубился по-настоящему.

Когда он снова пришел в себя, у постели дежурила новая смена. Старик с жидкой козлиной бородкой и лекарским ящиком за плечами облегченно выдохнул, заметив, что пациент открыл глаза.

На этот раз Чжао Цзи чувствовал себя куда более живым. Во время обморока до него донеслось странное, глубинное знание: его прежнее тело в современном мире окончательно умерло от инфаркта, но душа, ведомая упрямой жаждой жизни, зацепилась за этот мир. Прежний же хозяин этого тела до смерти перепугался чего-то и испустил дух, оставив невредимую плоть.

Так их души поменялись местами: мертвая плоть приняла ушедшего, а живая — пришлого.

Назад дороги не было.

От этой мысли Чжао Цзи похолодел. Жизнь — штука хорошая, но как выживать в суровом средневековье?

«Может, притвориться немым? Сработает или нет? Господи, как же страшно!»

Старик-лекарь тем временем поднялся и обратился к бледной супруге цзюньвана:

— Князь пришел в себя, прямой угрозы жизни нет.

— Но он говорит, что ничего не помнит! — воскликнула Ван Цзао.

— Его Высочество крепок телом, да и из воды его вытащили быстро. Однако на затылке имеется глубокая рана. Видимо, при падении он сильно ударился головой — на фарфоровом подголовнике даже остались следы крови. Потеря памяти, без сомнения, вызвана этим ушибом.

Чжао Цзи лежал с каменным лицом, разглядывая узоры на балдахине.

«Надо же, как удачно я приложился об эту плитку. Сама судьба помогла легализовать мою амнезию».

— И что теперь делать? — в голосе супруги слышалась неподдельная тревога.

— Со временем, когда сойдет отек, память может вернуться, — уклончиво ответил лекарь. — А может и не вернуться вовсе. Раз Его Высочество в сознании, я, с вашего позволения, откланяюсь.

Он низко поклонился и покинул покои.

Ван Цзао повернулась к мужу. В ее глазах читалось смтение.

Чжао Цзи молча смотрел на нее, лихорадочно соображая. Придется как-то уживаться с новообретенной супругой. Насколько хорошо она знала прежнего князя? Чтобы не прослыть одержимым лисами или злыми духами, нужно затаиться. В первый месяц — минимум слов, максимум наблюдений. Постепенно он выстроит новую линию поведения, списав все странности на травму головы.

Главное — поменьше болтать.

Пока они молча разглядывали друг друга, в дверь негромко постучали. На пороге показался слуга и, низко склонившись, доложил:

— Ваше Высочество, господин Ван Шэнь, Зять государства, прослышал о вашем пробуждении и ожидает за дверью.

Ван Цзао недовольно поморщилась. Было видно, что этого родственника она недолюбливает:

— Дядя? Ступай и скажи ему, что Его Высочество только что пришел в себя и слишком слаб...

— Пусть войдет! — перебил ее Чжао Цзи.

В душе его проснулся азарт. Роль князя казалась ему легкой прогулкой. Если не лезть в престолонаследие, не якшаться с мятежниками и не творить откровенных глупостей, можно жить припеваючи. Никаких отчетов, планерок и переработок! Только роскошь, слуги и покой. Да за такую пенсию любой офисный раб душу продаст!

В тусклых глазах Чжао Цзи впервые загорелся живой огонек. Ему нужны были люди из внешнего мира, чтобы собрать как можно больше сведений о своей новой жизни.

Ван Цзао удивленно посмотрела на него, но промолчала. Поклонившись, она тихо произнесла:

— Берегите себя, Ваше Высочество. — И вышла через боковую дверь.

Вскоре в покои вошел мужчина средних лет. Он был хорош собой: ухоженная бородка, тонкие

черты лица, дорогие шелковые одежды и сквозящая в каждом движении книжная утонченность.

— Ваше Высочество, как ваше драгоценное здоровье? — участливо спросил гость, присаживаясь у постели.

Чжао Цзи решил разыграть карту амнезии:

— Жить буду. Вот только... в голове туман. Почти ничего не помню.

Мужчина так и застыл с полукрyтым ртом:

— Неужто и меня не помните?

Чжао Цзи покачал головой.

Лицо гостя мгновенно сделалось серьезным:

— В таком случае нужно немедленно известить вашего советника, господина Бая. Пусть закроет рты слугам. Весть о вашей болезни не должна выйти за пределы поместья.

Чжао Цзи мысленно насторожился.

«Что еще за советник? Мы тут заговоры плетем? Нет-нет-нет, мне это не нужно!»

Ван Шэнь тем временем придвинулся ближе и понизил голос до заговорщицкого шепота:

— Недавняя Великая амнистия Поднебесной... Хоть вслух никто не говорит, но мы-то понимаем: все устроено покойным Жэнь-цзуном. Здоровье Его Величества... совсем худо.

Чжао Цзи слушал, затаив дыхание.

— Сегодня утром я выпивал в трактире и узнал, что клан Чжу тоже зашевелился. Поговаривают, они пытаются подмаслить господина Чжана. Но вы не беспокойтесь, Ваше Высочество. Мы все знаем, как к вам относятся наверху. Главное сейчас — держать лицо и не плодить слухи. Престол у нас практически в кармане.

Чжао Цзи судорожно вцепился в одеяло.

«О чем ты шепчешь, безумец?! Прекрати! Я не хочу этого знать!»

Каждое слово этого щеголя звучало как смертный приговор.

Какое еще «здоровье Его Величества»? Какое отношение это имеет к простому князю?

Постойте...

В голове Чжао Цзи, подстегнутой страхом, наконец-то сложилась историческая мозаика.

Если это реальная история династии Сун... Смерть молодого императора, интриги вокруг престола, Великая амнистия Поднебесной...

«Умиравший император — это же Чжао Сюй, он же Чжэцзун! А я... какой я князь?»

Холодный пот покатился по спине.

Ван Шэнь, довольный своей речью, поднялся:

— Я сделаю все, что в моих силах. Спите спокойно, Ваше Высочество.

С этими словами он отвесил поклон и поспешно вымелся из комнаты.

— Стой... — Чжао Цзи запоздало протянул руку к закрывшейся двери.

«Куда ты побежал? Мне не нужны твои силы! Ты меня в могилу свести хочешь?»

Преодолевая слабость, Чжао Цзи попытался подняться, чтобы вернуть заговорщика, но едва не рухнул на пол.

Стоявший у двери молодой слуга отреагировал мгновенно. Он ловко подхватил князя под локоть и с подобострастной улыбкой произнес:

— Осторожнее, Ваше Высочество. Позвольте мне помочь вам.

Чжао Цзи, слегка успокоившись под опекой расторопного малого, спросил:

— Как тебя звать?

Тот просиял еще больше:

— Ничтожный раб зовется Гао Цю. Не так давно господин Ван Шэнь прислал меня к вашему двору с подарком — гребнем для волос. А поскольку я недурно играю в цуцзюй, Ваше Высочество изволили милостиво принять меня на службу.

Гао Цю?!

Чжао Цзи едва не лишился чувств во второй раз. Ноги окончательно отказали, и если бы не мертвая хватка Гао Цю, он бы точно пропахал носом пол.

Все встало на свои места.

Ван Шэнь — утонченный повеса, который умудрился жениться на принцессе, забросить ее ради куртизанок, завести гарем и довести жену до могилы, за что дважды лишался чинов.

Гао Цю — бездельник и мастер игры в кожаный мяч, который благодаря княжеской милости взлетит на самую вершину власти и станет одним из главных злодеев эпохи, олицетворением коррупции и кумовства.

А кто тогда сам Чжао Цзи?

Цзюньван Дуань. Будущий император Хуэй-цзун.

Великий каллиграф, гениальный художник, ценитель женской красоты, завсегдатай веселых кварталов, прославившийся своей связью с куртизанкой Ли Шиши... и несчастный монарх, просравший великую империю чжурчжэням.

Чжао Цзи захотелось выть.

«Мало того, что мы тезки, так меня еще и засунули в шкуру этого ходячего несчастья! За какие грехи?! Почему я не сменил имя еще в прошлой жизни?! Чжао Цзи — это действительно проклятие!»

<http://bllate.org/book/18987/1868348>